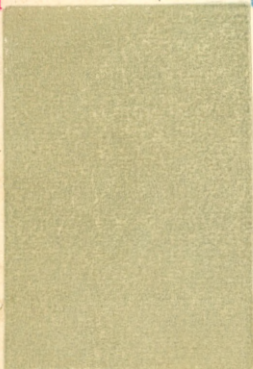
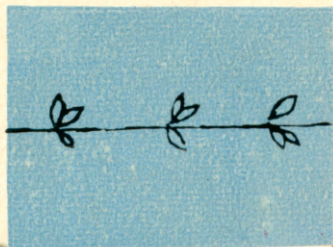

БЕЛЛА

АХМАДУЛИНА

струна

елла

Хмадулина

**Белла
Ахмадулина**

СТРУНА

стихи

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1962

Многие стихи Беллы Ахмадулиной печатались в газетах и журналах. Лирический герой книги «Струна» — наша молодая современница, человек романтической души и беспокойного характера. Важное место в книге занимают стихи о труде, о строителях новой Сибири, о мастерстве художника, о радости творческих открытий.

«Струна» — первая книга поэтессы.

СВЕТОФОРЫ

Светофоры. И я перед ними
становлюсь, отступаю назад.
Светофор. Это странное имя.
Светофор. Святослав. Светозар.

Светофоры добры, как славяне.
Мне в лицо устремляют огни
и огнями, как будто словами,
умоляют: «Постой, не гони».

Благодарна я им за смещение
этих двух разноцветных огней,
но во мне происходит смещение
этих двух разноцветных кровей.

О, извечно гудел и сливался,
о, извечно бесчинствовал спор:
этот добрый рассудок славянский
и косо́й азиатский напор.

Видно, выход — в движенье, в движенье,
в голове, наклоненной к рулю,
в бесшабашном головокруженье
у обочины на краю.

И, откидываясь на сиденье,
говорю себе: «Погоди».
Отдаю себя на съеденье
этой скорости впереди.

* * *

Ты говоришь — не надо плакать.
А может быть, и впрямь, и впрямь
не надо плакать — надо плавать
в холодных реках. Надо вплавь

одолевать ночную воду,
плывущую из-под руки,
чтоб даровать себе свободу
другого берега реки.

Недаром мне вздыхалось сладко
в Сибири, в чистой стороне,
где доверительно и слабо
растенья никнули ко мне.

Как привести тебе примеры
того, что делалось со мной?
Мерцают в памяти предметы
и отдают голубизной.

Байкала потаенный омут,
где среди медленной воды
посверкивая ходит омуль
и перышки его видны.

И те дома, и те саран,
заметные на берегах,
и цвета яркого саранки,
мгновенно сникшие в руках.

И в белую полосу чудо —
внезапные бурундуки,
так испытующе и чутко
в меня вперявшие зрачки.

Так завлекала и казнила
меня тех речек глубина.
Граненая вода Кизира
была, как пламень, холодна.

И опровергнуто лукавство
мое и все слова твои
напоминающей лекарство
целебной горечью травы.

Припоминается мне снова,
что там, среди земли и ржи,
мне не пришлось сказать ни слова,
ни слова маленького лжи.

МОЛОКО

Вот течет молоко. Вы питаетесь им.
Запиваете твердые пряники.
Захочу — и его вам открою иным,
драгоценным и редким, как праздники.

Молоко созревает в глубинах соска,
материнством скупым сбереженное,
и девчонка его, холодея со сна,
выпускает в ведро луженое.

Я скажу вам о том, как она молода,
как спуют ее пальцы русалочки,
вы вовек не посмеете пить молока,
не подумав об этой рязаночке.

Приоткройте глаза: набухают плоды
и томятся в таинственной прихоти.
Раздвигая податливый шорох плотвы,
осетры проплывают по Припяти.

Где-то плачет ребенок. Утешьте его.
Обнимите его, не замедлите.
Необъятна земля, но в ней нет ничего.
Если вы ничего не заметите.

ИЗ ЦЕЛИННОЙ ТЕТРАДИ

1

Мне говорили: «Целина —
она нахмурится, накатит.
Вот погоди, уж она
за все грехи тебя накажет».

А поезд медленно постукивал
меж Ачинском и Красноярском,
и думала я над поступками,
которыми я красовалась.

Надевши брюки независимо
и челку поместив на лбу,
не захвалила ль, не завьсила
я малую свою судьбу?

Жизнь добрая была, как слон,
она подарки мне дарила.
Я говорила много слов
и зря, наверно, говорила.

Я жаловалась целине:
какая я тебе помощница,
ты что-нибудь прикажешь мне,
а кожа на руках поморщится.

Готовясь к непосильной трудности,
обещанной еще вчера,
я, вам признаюсь, не без трусости
сошла на станции Шира.

Но перекладины неверные
нам предоставил грузовик,
и край опасный и неведомый
вокруг грузовика возник.

А грузовик наш так пылил,
что как слепые мы сидели,
лишь видели — орел парил
и слышали — столбы гудели.

Но вот на землю я сошла,
зажмурилась, взглянула снова,
она была белым-бела
и все-таки была лилова.

Не колокольчики — колокола
росли на ней как сумасшедшие.
Ребята, их в траве нашедшие,
мне подавали, я брала.

Они синели докрасна —
гиганты, чудные уроды.

Преподавала целина
мне свои первые уроки.

2

Мне невтерпеж, мне невтерпеж
от влажности, от полнолуния,
и я брожу как полоумная.
— Вам не в Тергеш? — Мне не в Тергеш.

А парень смотрит из кабины
и держит дверцу на весу.
— Вам не в Тергеш? Вот как обидно,
а я-то думал — подвезу.

— Ну что же, — говорю, — поедemте,
а можно сяду я за руль? —
Смеется: — Разве вы умеете? —
и не пускает руль из рук.

И рассказала я водителю,
какая сильная луна.
Озера с мелкою водицею
просвечиваются до дна.

— Вот видите, у вас уборка,
всю ночь не спят грузовики,
и рядом выглядят убого
две слабые мои руки.

Да и сама я в них не верила,
когда еще в Москве жила.
Я ими поступала ветрено,
как будто кружево плела.

Но оказалось, что-то есть
в моих руках необразованных,
какой-то есть задор и честь
в их мускулах необрисованных.

К ним долго целина приглядывалась,
чему-то обучала их.
Иная линия прокладывалась
в ладонях нынешних моих.

Вот я переключаю скорости
навстречу ветру и луне,
и нет уже той прежней скованности,
той оробелости во мне.

Водитель слушал, удивлялся,
кивал устало головой.
То близок был, то удалялся
Тергеш за сопкой голубой.

ИЗ СИБИРСКОЙ ТЕТРАДИ

Древние рисунки в Хакасии

Неведомый и древний лучник,
у первобытного огня
он руки грел. Он женщин лучших
любил. Он понукал коня.

Но что тревожило рассудок,
томило, отводило сон?
О, втиснутый в скалу рисунок!
Как дерзок и наивен он!

Он тяжело рисовал и скупю,
как будто высекал огонь.
И близилось к нему искусство,
и ржал его забытый конь.

Он нежно трогал эти стены.
Но кто он? Что случилось с ним?
И долго мы на эти стелы
как бы в глаза его глядим.

Новая домна на КМК

Где вздымается новая домна,
так работа идет наверху,
словно этому парню удобно
хохотать и висеть на ветру.

Он небрежно идет по карнизу,
но, быть может, заметно едва
мимолетною завистью к низу
замутится его голова.

Он вздыхает привольно и сладко,
и ступени гудят невпопад,
и огнем осыпается сварка —
августовский ее звездопад.

В нем, конечно, отвага без меры,
и задор, и мгновенный расчет,
что девчонка высокие метры
между ним и землю сочтет.

У девчонок иные привычки.
Поглядит, не поняв ничего.
Что-то нравится ей, что превыше
высоты, подымавшей его.

Но, бывавшая в цирке нечасто,
напряженно подавшись вперед,
побледнеет она за гимнаста,
если тот по канату пройдет.

И, глубокой обиды не выдав,
на девчонок, забывших о нем,
он опять с независимым видом
смотрит сверху и брызжет огнем.

Кемерово

К нам города чужие строги
и словно замкнуты в себе,
пока мы озираем стройки,
не ведая о их судьбе.

Со смутным чувством одиноким
прошла я на исходе дня
сибирским городом далеким,
и он не замечал меня.

В свои заботы и заводы
он был глубоко погружен.
Дома, деревья и заборы
мне нехотя доверил он.

Он восходил дымами в небо
и мне свободу даровал,
и все же сумрачно и немолча
смотрел и мне не доверял.

Но вот взошла я на пригорок
над Томью, и, вздохнув легко,
мне вдруг открылся этот город
доверчиво и далеко.

Велик он был. Но кто начало
его воздвиг, разбил жилье?
О Кемерово, что означало
издревле прозвище твое?

И так взволнованно, пристрастно,
как будто город был моим,
оглядывала я пространство,
могуче занятое им.

И город тот, меня проверив,
гудел, дымил, мерцал огнем.
Он величав был и приветлив,
и мне не позабыть о нем.

Гора Бурлук на строительстве дороги Абакан — Тайшет

Тоннель, оглашаемый эхом.
Гудок на высоком мосту.
И кончится солнце на этом.
И канет состав в темноту.

О, сырость, нависшая сверху,
минутная ночь среди дня!
В тоннеле предчувствие света
всегда волновало меня.

Бурлук смотрит гордо и скупю.
Он даром не даст ничего.
И темень ложится на скулы
людей, поборовших его.

Здесь грохает камень, и кабель
причудливо никнет к скале,
увешанный гроздьями капель,
накопленных в этой земле.

Мне нравятся эти ребята —
проходчики древней горы.
Простая их речь грубовата,
а лица чисты и добры.

Работа мне нравится эта,
в которой превыше всего —
идти, удаляясь от света,
чтоб снова достигнуть его.

ГРУЗИНСКИХ ЖЕНЩИН ИМЕНА

Там в море парусы плутали,
и, не причастные жаре,
медлительно цвели платаны
и осыпались в ноябре.

И лавочка в старинном парке
бела вставала и нема,
и смутно виноградом пахли
грузинских женщин имена.

Они переходили в лепет,
который к морю выбегал
и вышывал, как черный лебедь,
и странно шею выгибал.

Смеялась женщина Ламара,
бежала по камням к воде,
и каблучки по ним ломала,
и губы красила в вине.

И мокли волосы Медеи,
вплетаясь утром в водопад,
и капли сохли и мелели
и загорались невпопад.

И, заглушая олеандры,
собравши все в одном цветке,
вitalo имя Ариадны
и растворялось вдалеке.

Едва опершийся на сваи,
там приникал к воде причал.
«Цесанна!» — из окошка звали,
«Нателла!» — голос отвечал...

АБХАЗСКИЕ ПОХОРОНЫ

Две девочки бросали георгины,
бросали бережливо, иногда,
и женщины устало говорили:
— Цветы сегодня дороги — беда...

И с жадным страхом улица глазела,
как девочки ступали впереди,
как в отблесках дешевого газета
белым-белели руки на груди.

Несли венки, тяжелые, скупые,
старушек черных под руки влекли.
Да, все, что на приданое скопили,
все превратилось в белые венки.

На кладбище затеяли поминки,
все оживилось, вздрогнули легко,
и лишь глаза у женщины поникли
и щеки провалились глубоко.

Но пили, пили стопкою и чашкой —
и горе отпустило, отлегло,
и на дороге долго пахло чачей,
и голоса звучали тяжело.

И веселились песни хоровые,
забывшие нарочно про беду...
Так девочку Геули хоронили.
Давно уже — не в нынешнем году.

В нем польхали гнев и щедрость.
и хвост метался по песку.

Он поселился в зоопарке,
где много мяса и воды.

Они, заманчивые, пахли,
но долго он не брал еды.

Его лелеют там усердно.

Он покорился.

Он лежит.

И только видно, как у сердца
пятнистый мех его дрожит.

ЦВЕТЫ

Цветы росли в оранжерее.
Их охраняли потолки.
Их корни сытые жирели
и были лепестки тонки.

Им подсыпали горький калий
и множество других солей,
чтоб глаз анютиных желто-карий
смотрел круглей и веселей.

Цветы росли в оранжерее.
Им дали света и земли
не потому, что их жалели
или надолго берегли.

Их дарят празднично на память,
но мне — мне страшно их судьбы,
ведь никогда им так не пахнуть,
как это делают сады.

Им на губах не оставаться.
им не раскачивать шмеля,
им никогда не догадаться.
что значит мокрая земля.

КОНЬ

Мальчишка, мчашийся в почное,
не понукающий коня,
я расскажу тебе смешное,
мальчишка, пожалей меня.
Да, мало в жизни я видала.
Сидеть не приходилось мне
на кляче самой захудалой,
не говоря о скакуне.
Верхом — мое ли это дело!
Беда не так уж велика!
Но раз я, помнится, глядела
на удалого седока.
Он пролетел, протяжно крикнув,
припав к раздольному коню,
и долго вздрагивала кринки,
развешанные по плетню...
О парне том не забывая
и злую зависть не тая,
я не прощу себе трамвая,
в котором часто езжу я.
Его сидячего покоя,

его гремучей суеты...

Но знаю я, что где-то кони
жуют горючие цветы.

И есть один, гнедой и рослый.

Покуда я живу в Москве,
он бродит по колону в росной,
пробитой клевером траве.

Он мой. Он ждет меня к ответу
за всю трамвайную ездy,
и слышно далеко по ветру
его трезвонную узду.

Поедем.

Он на землю сбросит
меня на берегу реки,
но как-нибудь он сам попросит
веления моей руки.

И вот лечу я, не седлая
того ляхого жеребца,
и грива пенится седая
и плещет около лица.

Дома, заборы, куры в просе,
мальчишка с множеством значков...

Ах, конь!

И мне уже не бросить
его задумчивых зрачков,
его горячего оскала,
когда он жадно пьет в реке...
Лечу!

Того, что не пускало,
уже не видно вдалеке...

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Какой безумец празднество затеял
и щедро Днем поэзии нарек?
По той дороге, где мой след затерян,
стекается на празднество народ.

О славный день, твои гуляки буйны.
Я на себя их смелость не беру.
Ты для меня — торжественные будни.
Не пировать мне на твоём пиру.

А в публике — доверье и смущенье.
Как добрая душа ее проста.
Великого и малого смешенье
не различает эта доброта.

Пока дурачит слух ее невежда,
пока никто не видит в этом зла,
мне остается смутная надежда,
что праздники случаются не зря.

Не зря слова поэтов осеняют,
не зря, когда звучат их голоса,
у мальчиков и девочек сияют
восторгом и неведеньем глаза.

ЧУЖОЕ РЕМЕСЛО

Чужое ремесло мной помыкает.
На грех наводит, за собой маня.
Моя работа мне не помогает
и мстительно сторонится меня.

Я ей вовеки соблюдаю верность,
пишу стихи у краешка стола,
и все-таки меня сдает ревность,
когда творят иные мастера.

Поет высоким голосом кинто,
и у меня в тбилисском том духане,
в картинной галерее и в кино
завистливо заходится дыханье.

Когда возводит красную трубу
печник на необжитом новом доме,
я тоже вытираю о траву
замаранные глиною ладони.

О, сделать так, как сделал оператор,
послушно перенять его пример
и, пристально прикинув к аппаратам,
прищуриться на выбранный предмет.

О, эта жадность дерева сажать,
из лейки лить на грядках неполитых
и линии натурщиц отражать,
размазывая краски на палитрах!

Так власть чужой работы надо мной
меня жестоко требует к ответу.
Но не прошу я участи иной.
Благодарю скупую радость эту.

НОВАЯ ТЕТРАДЬ

Смущаюсь и робею пред листом
бумаги чистой.
Так стоит паломник
у входа в храм.
Пред девичьим лицом
так опытный потупится поклонник.

Как будто школьник, новую тетрадь
я озираю алчно и любовно,
чтобы потом пером ее терзать,
марая ради замысла любого.

Чистописанья сладостный урок
недолог. Перевернута страница.
Бумаге белой нанеся урон,
бесчинствует мой почерк и срамится.

Так в глубь тетради, словно в глубь лесов
я безрассудно и навечно кану,
одна среди сияющих листов
неся свою ликующую кару.

* * *

И снова, как огни мартенов,
огни грозы над темнотой.
Так кто же победил — Мартынов
иль Лермонтов в дуэли той?

Дантес иль Пушкин?
Кто там первый?
Кто выиграл и встал с земли?
Кого дорогой этой белой
на черных санках повезли?

Но как же так! По всем приметам,
другой там победил, другой,
не тот, кто на снегу прямятом
лежал курчавой головой.

Что делать, если в схватке дикой
всегда дурак был на виду,
меж тем как человек великий
как мальчик попадал в беду.

Чем я утешу пораженных
ничтожным превосходством зла?
Прославленных и побежденных
повтов, погибавших зря?

Что расскажу я им о битвах
ума с безумьем роковым,
о малых и больших обидах,
о женщинах, неверных им?

Я так скажу: — На самом деле,
давным-давно, который год,
забыли мы и проглядели,
а все идет наоборот.

Мартынов пал под той горою.
Он был наказан тяжело.
И воронье ночной порою
его терзало и несло.

А Лермонтов зато — сначала
все начинал и гнал коня,
и женщина ему кричала:
«Люби меня! Люби меня!»

Дантес лежал среди сугроба,
подняться не умел с земли,
а мимо медленно, сурово,
не оглянувшись, люди шли.

Он умер или жив остался —
никто того не различал.
А Пушкин — пил вино, смеялся,
ругался и озорничал.

Стихи писал, не знал печали,
дела его прекрасно шли,
и поводила все плечами
и улыбалась Натали.

Для их спасения — навечно
порядок этот утвержден,
и торжествующий невежда
приговорен и осужден.

СТАРИННЫЙ ПОРТРЕТ

Эта женщина минула,
в холст глубоко вошла.
А была она милая,
молодая была.

Прожила б она красивая,
вся задор и полкота,
если б проголодь крысиная
не сточила полотна.

Как металась по комнате,
как кручинилась по нем.
Ее пальцы письма комкали
и держали над огнем.

А когда входил уверенно,
громко спрашивал вина —
как заносчиво и ветрено
улыбалась она.

В зале с черными колоннами
маскерады затевал
и манжетами холодными
ее руки задевал.

Покорялись руки бедные,
обнимали сгоряча,
и взвивались пальцы белые
у цыгана скрипача.

Он опускался на колени,
смычком далеким обольщал
и тонкое лицо калеки
к высоким звездам обращал.

...А под утро в спальне темной
тихо свечку зажигал,
перстенок, мизинцем теплый,
он в ладони зажимал.

И смотрел, смотрел печально,
как, счастливая сполна,
безрассудно и прощально
эта женщина спала.

Надевала платье черное
и смотрела из дверей,
как к крыльцу подводят чопорных,
приозябших лошадей.

Поцелуем долгим, маетным
приникал к ее руке,
становился тихим, маленьким
колокольчик вдалеке.

О высокие клавиши
разбивалась рука.
Как над нею на кладбище
трава глубока,

МАЗУРКА ШОПЕНА

Какая участь нас постигла,
как повезло нам в этот час,
когда бегущая пластинка
одна лишь разделяла нас!

Сначала тоненько шипела,
как уж, изъятый из камней,
но очертания Шопена
приобретала все слышней.

И тоненькая, как мензурка,
внутри с водицей голубой
стояла девочка-мазурка,
покачивая головой.

Как эта с бедными плечами,
по-польски личиком бела,
разведала мои печали
и на себя их приняла?

Она протягивала руки
и исчезала вдалеке,
сосредоточив эти звуки
в иголке расчерченном кружке.

ХЕМИНГУЭИ

1

В стране, не забывающей Линкольна,
в ссле, где ни двора и ни кола,
как женщина, печальна колокольня.
По мне, по мне звонят колокола.

По юношам, безвременно погибшим
на этой победительной войне,
по женщинам, усталым и поникшим,
и все-таки они звонят по мне.

По старикам, давным-давно усопшим,
по морякам, оставшимся на дне,
по мумиям, загадочным, усохшим,
и все-таки — по мне, по мне, по мне.

2

Прекрасен не прекрасной синерамой
тот алчный и надменный материк,

а тем, что бородатый, синеглазый
вдоль побережья шествует старик.

О, эта чистота на грани детства
и равенство с прохожими людьми!
Идет он легкой поступью индейца
и знает толк в охоте и в любви.

К большим ступням он примеряет ласты,
и волны подступают к бороде,
и с выраженьем мудрости и ласки
смеется он, ступает по воде.

О, президентов выборы и крики!
Как там шумят и верховодят всласть...
И все же книги — как над нами книги
неумолимо проявляют власть!

Над миром простирается защита,
защита их отцовской доброты.
Стоит охотник и солдат. Защита
его одежда. Помыслы чисты.

И, многоопытный свидетель века,
в том звоне различает он опять:
о, не обидь, несчастье, человека,
не смей его у женщины отнять!

В тревоге неумолчной, сердобольной
туда, к вершине солнца и дождей,
восходит этот гомон колокольный,
оплакивая горести людей.

ВУЛКАНЫ

Молчат потухшие вулканы.
На дно их падает зола.
Там отдыхают великаны
после содеянного зла.

Все холоднее их владенья,
все тяжелее их плечам,
но те же грешные виденья
являются им по ночам.

Им снится город обреченный,
не знающий своей судьбы,
базальт, в колонны обращенный
и обрамляющий сады.

Там девочки берут в охапки
цветы, что расцвели давно,
там знаки подают вакханки
мужчинам, тянущим вино.

Все разгораясь и глупея,
там пир идет, там речь груба.
О девочка моя, Помпея,
дитя царевны и раба!

В плену судьбы своей везучей
о чем ты думала, о ком,
когда так храбро о Везувий
ты опиралась локотком?

Заслушалась его рассказов,
расширила зрачки свои,
чтобы не вынести раскатов
безудержной его любви.

И он челом своим умнейшим
тогда же, на исходе дня,
припал к ногам твоим умершим
и закричал: «Прости меня!»

САДОВНИК

Я не скрипеть прошу калитку,
я долго около стою.
Я глажу тонкую калину
по загорелому стволу.

И, притаясь в листе веселой,
смеюсь тихонько в кулаки.
Вот он сидит, мой друг высокий,
и починает башмаки.

Смешной, с иголкою и с дратвой,
еще не знает ничего,
а я кричу свирепо: «Здравствуй!» —
и налетаю на него.

А он смеется или плачет
и топчет грядки босиком,
и красный сеттер возле пляшет.
в меня нацелясь языком.

Забыв в одной руке ботинки,
чудак, садовник, педагог,
он в подпол лезет и бутылки
из темноты мне подает.

Он бегаёт, очки роняя,
и, на меня взглянув тайком,
он вытирает пыль с рояля
своим рассеянным платком.

Ах, неудачник мой, садовник!
Соседей добрых веселя,
о, сколько фруктов несъедобных
он поднял из тебя, земля!

Я эти фрукты ем покорно.
Они солены и крепки,
и слышно, как скребут по горлу
семян их острых коготки.

И верю я одна на свете,
что зацветут его сады,
что странно засияют с веток
им совершенные плоды.

Он говорит: — Ты представляешь —
быть может, через десять лет
ты вдруг письмо мне присылаешь,
а я пишу тебе в ответ...

Я представляю,
и деревья
я вижу — глаз не оторву.
Размеренные ударенья
тяжелых яблок о траву...

Он машет вилокю с селедкой,
глазами голодно блестит,
и персик, твердый и соленый,
на крепких челюстях хрустит...

ЛУНАТИКИ

Встает луна, и мстит она за муки
надменной отдаленности своей.
Лунатики протягивают руки
и обреченно следуют за ней.

На крыльях одичалого сознания,
весомостью дневной утомлены,
летят они, прозрачные создания,
прислушиваясь к ответам луны.

Мерцая так же холодно и скупю,
взамен не обещаая ничего,
влечет меня далекое искусство
и требует согласия моего.

Смогу ли побороть его мученья
и обаянье всех его примет
и вылепить из лунного свеченья
тяжелый, осязаемый предмет?..

* * *

О, слово точное — подонки!
Меж них такая кутерьма.
Темны их лица и подобны
одно другому.

Я сама

толкаюсь в их движенье тесном,
не в силах скрыться в стороне,
как бы измазанные тестом,
их руки липнут и ко мне.

Все, что удобно и съедобно,
так безудержно их влечет.
Они ко мне добры сегодня
и обещают мне почет.

Но будут глухи их удары,
когда придет пора моя,
и, как надменные удавы,
они посмотрят на меня.

— Погибнет это дарованье! —
мне напророчат за глаза.
Неведомы и деревянные
их лики, словно образа.

Им предстоит удел обратный.
Он их настигнет все равно.
Но сколько предано объятий
и душ нестойких растлено!

Есть утешение скупое —
в их жизни, алчной и лихой,
они наказаны собою,
своей бездарностью глухой.

* * *

Человек в чисто поле выходит,
травку клевер зубами берет.
У него ничего не выходит.
Все выходит наоборот.

И в работе опять не выходит.
И в любви, как всегда, не везет.
Что же он в чисто поле выходит,
травку клевер зубами берет?

Для чего он лицо поднимает,
улыбается, в небо глядит?
Что он видит там, что понимает
и какая в нем дерзость гудит?

Человече, тесно ль тебе в поле?
Погоди, не спеши умереть.
Но опять он до звона, до боли
хочет в белое небо смотреть.

Есть на это разгадка простая.
Нас единой заботой светло.
Человечеству сроду пристало
делать дерзкое дело свое.

В нем согласие беды и таланта
и готовность опять и опять
эти древние муки Тантала
на большие плеча принимать.

В металлическом блеске конструкций,
в устремленном движенье винта
жажда вечная — неба коснуться,
эта тяжкая жажда видна.

Посреди именин, новоселий
нет удачи желанней, чем та
не уставшая от невезений,
воссиявшая правота.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Мороз, сиянье детских лиц,
и легче совладать с рассудком,
и зимний день — как белый лист,
еще не занятый рисунком.

Ждет заполнения пустота,
и мы ей сделаем подарок:
простор листа, простор холста
мы не оставим без помарок.

Как это делает дитя,
когда из снега бабу лепит, —
творить легко, творить шутя,
впадая в этот детский лепет.

И, слава богу, все стоит
тот дом среди деревьев дачных,
и моложав еще старик,
объявленный как неудачник.

Вот он выходит на крыльцо,
и от мороза голос сипнет,
и галка, отряхнув крыло,
ему на шапку снегом сыплет.

И, стало быть, недорешен
удел, назначенный молвою,
и снова, словно дирижер,
он не робеет стать спиною,

спиною к нам, лицом туда,
где звуки ждут его намека,
и в этом первом «та-та-та»
как будто бы труда немного.

Но мы-то знаем, как велик
труд, не снискавший одобренья.
О зимний день, зачем велишь
работать так, до одуренья?

Позволь оставить этот труд
и бедной славой утешаться.
Но — снег из туч! Но — дым из труб!
И невозможно удержаться.

* * *

Влечет меня старинный слог.
Есть обаянье в древней речи.
Она бывает наших слов
и современнее и резче.

Вскричать: «Полцарства за коня!» —
какая вспылчивость и щедрость!
Но снизойдет и на меня
последнего задора тщетность.

Когда-нибудь очнусь во мгле,
навек проиграв сраженье,
и вот придет на память мне
безумца древнего решенье.

О, что полцарства для меня!
Дитя, наученное веком,
возьму коня, отдам коня
за полмгновенья с человеком,

любимым мною. Бог с тобой,
о конь мой, конь мой, конь ретивый.
Я безвозмездно повод твой
ослаблю — и табун родимый

нагонишь ты, нагонишь там,
в степи пустой и порыжелой.
А мне наскучил тарарам
этих побед и поражений.

Мне жаль коня! Мне жаль любви!
И на манер средневековый
ложится под ноги мои
лишь след, оставленный подковой,

СНЕГУРОЧКА

Что так Снегурочку тянуло
к тому высокому огню?
Уж лучше б в речке утонула,
попала под ноги коню.

Но глубым своим подолом
вспорхнула — ноженьки видны —
и нет ее. она подобна
глотку оттаявшей воды.

Как чисто с воздухом смешалась
и кончилась ее пора.
Играть с огнем — вот наша шалость,
вот наша древняя игра.

Нас цвет оранжевый так тянет,
так нам проходу не дает.
Ему поддавшись, тело тает
и телом быть перестает.

Но пуще мы огонь раскурим
и вовлечем его в игру,
и снова мы собой рискуем
и доверяемся костру.

Вот наш удел еще невидим,
в дыму еще неразличим.
То ль из него живые выйдем,
то ль навсегда сольемся с ним.

* * *

Живут на улице Песчаной
два человека дорогих.

Я не о них.

Я о печальной
неведомой собаке их.

Эта японская порода
ей так расставила зрачки,
что даже страшно у порога —
как их раздумья глубоки.

То добрый пес. Но, замирая
и победительно сопя,
надменным взглядом самурая
он сможет защитить себя.

Однажды просто так, без дела
одна пришла я в этот дом,
и на диване я сидела
и говорила я с трудом.

Уставив глаз свой самоцветный,
все различавший в тишине,
пес умудренный семилетний
сидел и думал обо мне.

И голова его мигала.
Он горестный был и седой,
как бы поверженный микадо,
усталый и немолодой.

Зовется Тошкой пес. Ах, Тошка,
ты понимаешь все. Ответь,
что так мне совестно и тошно
сидеть и на тебя глядеть?

Все тонкий нюх твой различает,
угадывает наперед,
Скажи мне, что нас разлучает
и все ж расстаться не дает?

НЕВЕСТА

Хочу я быть невестой,
красивой, завитой,
под белую навесной
застенчивой фатой.

Чтоб вздрагивали руки,
в колечках ледяных,
чтобы сходились рюмки
во здравье молодых.

Чтоб каждый мне поддакивал,
пророчил сыновей,
чтобы друзья с подарками
стеснялись у дверей.

Сорочки в целлофане,
тарелки, кружева...
чтоб в щеку целовали,
пока я не жена.

Платье мое белое
заплакано вином,
счастливая и бедная
сизу я за столом.

Страшно и заманчиво
то, что впереди.
Плачет моя мамочка —
мама, погоди.

...Наряд мой боярский
скинут на кровать.
Мне хорошо бояться
тебя поцеловать.

Громко стулья ставятся
рядом, за стеной...
Что-то дальше станется
с тобою и со мной?..

КОРОЛЕВА

Но вот проходит королева,
качая медленной серьгой.
Благоговейно кавалеры
следят за маленькой ногой.

Она похрустывает шелком,
глубины глаз ее влажны;
ее ресницами, как шоком,
мгновенно все поражены.

Как высока ее осанка!
Держа поднос над головой,
идет она — официантка
в кафе под крышей голубой.

Нуждаются в ее советах
тот посетитель и другой,
и пики снежные салфеток
вмывают под ее рукой.

И над прическою короткой
плывет, надменна и строга,
ее крахмальная корона,
холодная, как жемчуга.

БОГ

За то, что девочка Настасья
добро чужое стерегла,
босая бегала в монастье
за водкою для старика, —

ей полагался бог красивый
в чертоге, солнцем залитом,
щеголеватый, справедливый,
в старинном платье золотом.

Но посреди хмельной икоты,
среди убожества всего
две почерневшие иконы
не подходили на него.

За это — вдруг расцвел цикорий,
порововели жемчуга,
и раздалось, как хор церковный,
простое имя жениха.

Он разом вырос у забора,
поднес ей желтый медальон
и так вполне сошел за бога
в своем величье молодом.

И в сердце было свято-свято
от той гармошки гулевой,
от вин, от сладкогласья свата
и от рубашки голубой.

А он уже глядел обманно,
платочек газовый снимал
и у соседнего амбара
ей плечи слабые сминал...

А Настя волос причесала,
взяла платок за два конца,
а Настя пела, причитала,
держала руки у лица.

«Ах, что со мной ты понаделал,
какой беды понатворил!
Зачем ты в прошлый понедельник
мне белый розан подарил?»

Ах, верба, верба, моя верба,
не вянь ты, верба, погоди.
Куда девалась моя вера —
остался крестик на груди».

А дождик солнышком сменялся,
и не случалось ничего,
и бог над девочкой смеялся,
и вовсе не было его.

Вот звук дождя как будто звук домбры, —
так тренькает, так ударяет в зданья.
Прохожему на площади Восстанья
я говорю: — О, будьте так добры.

Я объясняю мальчику: — Шали. —
К его курчавой головенке никну
и говорю: — Пусти скорее нитку,
освободи зеленые шары.

На улице, где публика галдит,
мне белая встречается собака,
и взглядом понимающим собрата
собака долго на меня глядит.

И в магазине, в первом этаже,
по бледности я отличаю скрягу.
Облюбовав одеколону склянку,
томится он под вывеской «Тэжв».

Я говорю: — О, отвлекись скорей
от жадности своей и от подагры,
прибери богатые подарки
и отнеси возлюбленной своей.

Да, что-то не везет мне, не везет.
Меж мальчиков и девочек пригожих
и взрослых, чем-то на меня похожих,
мороженого катится возок.

Так прохожу я на исходе дня.
Теней я замечаю удлинение,
а также замечаю удивление
прохожих, озирающих меня.

* * *

Я думала, что ты мой враг,
что ты беда моя тяжелая,
а ты не враг, ты просто враль
и вся игра твоя — дешевая.

На площади Манежной
бросал монету в снег.
Загадывал монетой,
люблю я или нет.

И шарфом ноги мне обматывал
там, в Александровском саду,
и руки грел, а все обманывал,
все думал, что и я солгу.

Кружилось надо мной вранье,
похожее на воронье.

Но вот в последний раз прощаешься,
в глазах ни сине, ни черно.

О, проживешь, не опечалишься,
а мне и вовсе ничего.
Но как же все напрасно,
но как же все нелепо!
Тебе идти направо.
Мне идти налево.

* * *

Жилось мне весело и шибко.
Ты шел в заснеженном плаще,
и вдруг зеленый ветер шипра
вздыхал косынку на плече.

А был ты мне ни друг, ни недруг.
Но вот бревно. Под ним река.
В реке, в ее ноябрьских недрах,
займется пламенем рука.

А глубоко? — Попробуй, смеряй! —
Смеюсь, зубами лист беру
и говорю: — Ты парень смелый.
Пройдись по этому бревну.

Ого — тревоги выраженье
в твоей руке. Дрожит рука.
Ресниц густое ворошенье
над замираньем зрачка.

А я иду (сначала боком),
о, поскорей бы, поскорей!
Над темным холодом, над бойким
овябшим ходом пескарей.

А ты проходишь по перрону,
закрыв лицо воротником,
и тлеющую папиросу
в снегу кончаешь каблуком.

* * *

Смеясь, ликуя и бунтуя
в своей безвыходной тоске,
в Махинджаури, под Батуми,
она стояла на песке.

Она была такая гордая —
вообразив себя рекой,
она входила в море голая
и море трогала рукой.

Освободясь от ситцев лишних,
так шла и шла наискосок.
Она расстегивала лифчик,
чтоб сбросить лифчик на песок.

И вид ее предплечья смутного
дразнил и душу бередил.
Там белое пошло по смуглому,
где раньше ситец проходил.

Она смеялася от радости,
в воде ладонями плеща,
и перекидывались радуги
от головы и до плеча.

* * *

Глубоким голосом пророка,
донесшимся издалека,
«Возьми!» — сказала мне природа
о чистых струях родника.

Она мне воду даровала,
назначенную для корней.
Поскрипывая деревянно,
ступени приводили к ней.

Среди цветов, густых, истошных,
воды желающих, воды,
в моих ладонях тек источник.
В нем были камушки видны.

— Ну пей же, пей, — земля просила, —
купайся, запускай суда.
— Да, да, — сказала я, — спасибо,
какая чистая вода.

Как все живое к ней стремится,
как сохнет в горле у него,
а вот она — ко мне струится,
желанья ищет моего.

Но я не жажду утоленья.
Я долго на воду смотрю.
И медлю я. И промедленья
никак в себе не поборю,

ЖАЛЕЙКА

Я уеду ранним утром
наставленьям вопреки,
я проснусь в домишке углом
возле пасмурной реки.

Залюбуюсь сивым дедом,
что проходит босиком.
Ах, откройте, что он сделал
с тем зеленым тростником.

Он спускается с пригорка,
бабы смотрят из ворот.
Так ли тонко, так ли горько
та тростинючка поет!..

Я стою с тяжелой лейкой.
Спелых грядок не полью.
Пожалей меня, жалейка,
что я песен не пою.

Промычало мимо стадо,
запестрело на лугу...
Я болею, я устала
оттого, что не могу.

Водят кони вострым ухом,
дождь пузырится у ног,
и метет лебяжьим пухом
тополиный ветерок.

А по теплым тем сугробам,
по глубокой той воде,
все идет с лицом суровым
дед с тростинкой в бороде.

ЛОДКА

В траве глубоко и сыро,
если шагнуть с крыльца.
Держу я чужого сына,
похожего на отца.

Держу высоко, неловко
и говорю: «Смотри!
Видишь, какая лодка
синяя изнутри!»

Возьмем леденцы, орехи,
что у меня в столе.
Посмотрим, какие реки
водятся на земле.

Есть и река смешная.
Она течет далеко.
Наверно, она смешала
воду и молоко.

Сахарных рыб немало
в гуще ее рябой...»
Но бровью поводит мама,
глядя на нас с тобой.

Нам не устроить побега,
речек не увидеть.
Сына после обеда
строго уложат спать.

Окна, закройте плотно,
лампочка, не гори!
А сыну приснится лодка,
синяя изнутри.

ТВОЙ ДОМ

Твой дом, не ведая беды,
меня встречал и в щеку чмокал.
Как будто рыба из воды,
сервис выглядывал из стекол.

И пес выскакивал ко мне,
как галка маленький, орущий,
и в беззащитном всеоружьи
торчали кактусы в окне.

От неурядиц всей земли
я шла озябшим делегатом,
и дом смотрел в глаза мои
и добрым был и деликатным.

На голову мою стыда
он не навлек, себя не выдал.
Дом клялся мне, что никогда
он этой женщины не видел.

Он говорил: — Я пуст. Я пуст. —
Я говорила: — Где-то, где-то... —
Он говорил: — И пусть. И пусть.
Входи и позабудь про это.

О, как боялась я сперва
платка или иной приметы,
но дом твердил свои слова,
перетасовывал предметы.

Он заметал ее следы.
О, как он притворился ловко,
что здесь не падало слезы,
не облакачивалось локтя.

Как будто тщательный прибор
смыл все: и туфель отпечатки,
и тот пустующий прибор,
и пуговицу от перчатки.

Все сговорились: пес забыл,
с кем он играл, и гвоздик малый
не ведал, кто его забил,
и мне давал ответ туманный.

Так были зеркала пусты,
как будто выпал снег и стаял.
Припомнить не могли цветы,
кто их в стакан граненый ставил...

О дом чужой! О милый дом!
Прощай! Прошу тебя о малом:
не будь так добр. Не будь так добр.
Не утешай меня обманом.

АВГУСТ

Так щедро август звезды расточал.
Он так бездумно приступал к владенью,
и обращались лица ростовчан
и всех южан — навстречу их паденью.

Я добрую благодарю судьбу.
Так падали мне на плечи созвездья,
как падают в заброшенном саду
сирени неопрятные соцветья.

Подолгу наблюдали мы закат,
соседей наших клавиши сердили,
к старинному роялю музыкант
склонял свои печальные седины.

Мы были звуки музыки одной.
О, можно было инструмент расстроить,
но твоего созвучия со мной
нельзя было нарушить и расторгнуть.

В ту осень так горели маяки,
так недалеко звезды блуждали,
бульварами шагали моряки,
и девушки в косынках пробегали.

Все то же там паденье звезд и зной,
все так же побережье неизменно.
Лишь выпали из музыки одной
две ноты, взятые одновременно.

АПРЕЛЬ

Вот девочки — им хочется любви.
Вот мальчики — им хочется в походы.
В апреле изменения погоды
объединяют всех людей с людьми.

О новый месяц, новый государь,
так ищешь ты к себе расположения,
так ты бываешь щедр на одолженья,
к амнистиям склоняя календарь.

Да, выручишь ты реки из оков,
приблизिшь ты любое отдаленье,
безумному даруешь просветленье
и исцелишь недуги стариков.

Лишь мне твоей пощады не дано.
Нет алчности просить тебя об этом.
Ты спрашиваешь — медлю я с ответом
и свет гашу, и в комнате темно.

НЕЖНОСТЬ

Так ощутима эта нежность,
вещественных полна примет.
И нежность обретает внешность
и воплощается в предмет.

Старинной вазою зеленой
вдруг станет на краю стола,
и ты склонись удивленный
над чистым омутом стекла.

Встревожится квартира ваша,
и будут все поражены.
— Откуда появилась ваза? —
ты строго спросишь у жены.

— И антиквар какую плату
спросил? —
О, не кори жену —
то просто я смеюсь и плачу
и в отдалении живу.

И слезы мои так стеклянны,
так их паденья тяжелы,
они звенят, как бы стаканы,
разбитые средь тишины.

За то, что мне тебя не видно,
а видно — так на полчаса,
я безобидно и невинно
свершаю эти чудеса.

Вдруг облаком тебя покроет,
как в горных высях повелось.
Ты закричишь: — Мне нет покою!
Откуда облако взялось?

Но суеверно, как крестьянин,
не бойся, «чур» не говори —
то нежности моей кристаллы
осели на плечи твои.

Я так немудрено и нежно
наколдовала в стороне,
и вот образовалось нечто,
напоминая обо мне.

Но по привычке добрых бестий,
опять играя в эту власть,
я сохраню тебя от бедствий
и тем себя утешу всласть.

Прощай! И занимайся делом!
Забудется игра моя. .
Но сказки твоим малым детям
останутся после меня.

НЕСМЕЯНА

Так и сижу — царица Несмеяна,
ем яблоки, и яблоки горчат.
— Царица, отвори нам! Нам немало! —
под окнами прохожие кричат.

Они глядят глазами голубыми
и в горницу являются гурьбой,
здороваются, кланяются, имя
«Царевич» говорят наперебой.

Стоят и похваляются богатством,
проходят, златом-серебром звеня.
Но вам своим богатством и бахвальством,
царевичи, не рассмешить меня.

Как ум моих царевичей напрягся,
стараясь ради красного словца!
Но и сама слышу я не напрасно
глупей глупца, мудрее мудреца.

Кричат они: — Какой верна присяге,
царевна, ты — в суровости своей? —
Я говорю: — Царевичи, присядьте.
Царевичи, стойте у дверей.

Зачем кафтаны новые надели
и шапки примеряли к головам?
На той неделе, о, на той неделе —
смеялась я, как не смеяться вам.

Входил он в эти низкие хоромы,
сам из татар, гулявших по Руси,
и я кричала: «Здравствуй, мой хороший!
Вина отведай, хлебом закуси».

— А кто он был? Богат он или беден?
В какой он проживает стороне? —
Смеялась я: — Богат он или беден,
румян иль бледен — не припомнить мне.

Никто не покарат, не измерит
вины его. Не вышло ни черта.
И все же он, гуляка и изменник,
не вам чета. Нет. Он не вам чета.

* * *

В тот месяц май, в тот месяц мой
во мне была такая легкость,
и, расстилаясь над землей,
влекла меня погоды летность.

Я так щедра была, щедра
в счастливом предвкушенье пенья,
и с легкомыслием щегла
я окунала в воздух перья.

Но, слава богу, стал мой взор
и пронизательней, и строже,
и каждый вздох и каждый взлет
обходится мне все дороже.

И я причастна к тайнам дня.
Открыты мне его явления.
Вокруг оглядываюсь я
с усмешкой старого еврея.

Я вижу, как грачи галдят,
над черным снегом нависая,
как скучно женщины глядят,
склонившиеся над вязаньем.

И где-то, в дудочку дудя,
не соблюдая клумб и грядок,
чужое бегает дитя
и нарушает их порядок.

* * *

Не уделяй мне много времени,
вопросов мне не задавай.
Глазами добрыми и верными
руки моей не задевай.

Не проходи весной по лужицам,
по следу следа моего.
Я знаю — снова не получится
из этой встречи ничего.

Ты думаешь, что я из гордости
хожу, с тобою не дружу?
Я не из гордости — из горести
так прямо голову держу.

* * *

О, еще с тобой случится
все — и молодость твоя.
Когда спросишь: «Кто стучится?» —
Я отвечу: «Это я!»

Это я! Ах, поскорее
выслушай и отвори.
Стихнули и постарели
плечи бедные твои.

Я нашла тебе собрата —
листик с веточки одной.
Как же ты стареть собрался,
не советуясь со мной!

Ах, да вовсе не за этим
я пришла сюда одна.
Это я — ты не заметил.
Это я, а не она.

Над примятою постелью,
в сумраке и тишине,
я оранжевой пастелью
рисовала на стене.

Рисовала сад с травой,
человечка с головой,
чтобы ты спросил с тревогой:
— Это кто еще такой?

Я отвечу тебе строго:
— Это я, не спорь со мной.
Это я смешной и стройный
человечек с головой.

Поиграем в эту шалость
и расплачемся над ней.
Позабудем мою жалость,
жалость к старости твоей.

Чтоб ты слушал и смирялся,
становился молодой,
чтобы плакал и смеялся
человечек с головой.

АВТОМАТ С ГАЗИРОВАННОЙ ВОДОЙ

Вот к будке с газированной водой,
всех автоматов баловень надменный,
таинственный ребенок современный
подходит, как к игрушке заводной.

Затем, самонадеянный фантаст,
монету влажную он опускает в щелку
и, нежным брызгам подставляя щеку,
стаканом ловит розовый фонтан.

О, мне б его уверенность на миг
и фамильярность с тайною простою!
Но нет, я этой милости не стою:
пускай прольется мимо рук моих.

А мальчуган, причастный чудесам,
несет в ладони семь стеклянных граней,
и отблеск их летит на красный гравий
и больно ударяет по глазам.

Робея, я сама вхожу в яру,
и поддаюсь с блаженным чувством риска
соблазну металлического диска,
и замираю, и стакан беру.

Воспрянув из серебряных оков,
родится омут сладкий и соленый,
неведомым дыханьем населенный
и свежей толчеею пузырьков.

Все радуги, возникшие из них,
пронзают нёбо в сладости короткой,
и вот уже, разнеженный щекоткой,
семь вкусов спектра пробует язык.

И автомата темная душа
взирает с доброю старомодной,
словно крестьянка, что рукой холодной
даст путнику напиток из ковша.

* * *

Нас одурачил нынешний сентябрь
с наивностью и хитростью ребенка.
Так повезло раскинутым сетям —
мы бьемся в них, как малая рыбешка.

Нет выгоды мне видеться с тобой.
И без того сложны переплетенья.
Но ты проходишь, головой седой
оранжевые трогая растенья.

Я говорю на грани октября:
— О будь неладен предыдущий месяц.
Мне надобно свободы от тебя,
и торжества, и праздника, и мести.

В глазах от этой осени пестро.
И, словно на уроке рисованья,
прилежное пишу тебе письмо,
выпрашивая расставанья.

Гордилась я, и это было зря.
Опровергая прошлую надменность,
прошу тебя: не причиняй мне зла!
Я так на доброту твою надеюсь!

СЕНТЯБРЬ

Ю. Нагибин

I

Что за погода нынче на дворе?
А впрочем, нет мне до погоды дела —
и в январе живу, как в сентябре,
настойчиво и оголтело.

Сентябрь, не отводи твое крыло,
твое крыло оранжевого цвета.
Отсрочь твое последнее число
и подари мне промедленье это.

Повремени и не клонись ко сну.
Охваченный желанием даренья,
как и тогда, транжирь свою казну,
побалуй все растущие деревья.

Что делалось! Как напряглась трава,
чтоб зеленеть с такою полнотою,

и дерево, как медная труба,
сияло и играло над землею.

На палисадники, набитые битком,
все тратилась и тратилась природа,
и георгин показывал бутон,
и замирал, и ожидал прироста.

Испуганных художников толпа
на цвет земли смотрела воровато,
толпилась, вытирала пот со лба,
кричала, что она не виновата:

она не затевала кутерьму,
и эти краски красные пролиты
не ей — и в доказательство тому
казала свои бедные палитры.

Нет, вы не виноваты. Все равно
обречены менять окраску ветви.
Но все это, что желто и красно,
что зелено, — пусть здравствует вовеки.

Как пачкались, как били по глазам,
как нарушались прежние расцветки.
И в этом упоении базар
все понижал на яблоки расценки.

II

И мы увиделись. Ты вышел из дверей
Все кончилось. Все начиналось снова.
До этого не начислялось дней,
как накануне рождества Христова.

И мы увиделись. И в двери мы вошли.
И дома не было за этими дверями.
Мы встретились, как старые вожди,
с закинутыми головами —

от гордости, от знания, что к чему,
от недоверия и напряженья.
По твоему челу, по моему челу
мелькнуло это темное движенье.

Мы встретились, как дети поутру,
с закинутыми головами —
от нежности, готовности к добру
и робости перед словами.

Сентябрь, сентябрь, во всем твоя вина,
ты действовал так слепо и неверно.
Свобода равнодушья, ты одна
будь проклята и будь благословенна.

Счастливы подзащитные твои —
в пределах крепости, поставленной тобою,

неуязвимые для боли и любви,
как мстительно они следят за мною.

И мы увиделись. Справлял свои пиры
сентябрь, не проявляя недоверья.
Но, оценив значительность игры,
отпрянули все люди и деревья.

III

Прозрели мои руки. А глаза —
как руки, стали действены и жадны.
Обильные возникли голоса
в моей гортани, высохшей от жажды

по новым звукам. Эту суть свою
впервые я осознаю на воле.
Вот так стоишь ты. Так и я стою —
звучащая, открытая для боли.

Сентябрь добавил нашим волосам
оранжевый оттенок увяданья.
Он жить учил нас, как живет он сам, —
напрягшись для последнего свиданья....

IV

Темнеет наше отдаленье,
нарушенное, позади.
Как щедро это одаренье
меня тобой! Но погоди —

любимых так не привечают.
О нежности перерасход!
Он все пределы превышает.
К чему он дальше приведет?

Так — жемчугами осыпают,
и не спасает нас навес,
так — музыкою осеняют,
так — дождик падает с небес.

Так ты протягиваешь руки
навстречу моему лицу,
и в этом — запахи и звуки,
как будто вечером в лесу.

Так — головой в траву ложатся,
~~так~~ — держат руки на груди
~~я..~~ в небо смотрят. Так — лишаются
любимого. Но погоди —

сентябрь ответит за растрату
и волею календаря
еще изведает расплату
за то, что крал у октября.

И мы причастны к этой краже.
Сентябрь, все кончено? Листы
уж падают? Но мы-то — краше,
но мы надежнее, чем ты.

Да, мы немалый шанс имеем
не проиграть. И говорю:
— Любимый, будь высокомерен
и холоден к календарю.

Наш праздник им не обозначен.
Вне расписания его
мы вместе празднуем и плачем
на гребне пира своего.

Все им предписанные будни
как воскресения летят,
и музыка играет в бубны,
и карты бубнами лежат.

Зато как Новый год был жалок.
Разлука, будни и беда
плясали там. Был воздух жарок,
а лед был груб. Но и тогда

там елки не было. Там было
иное дерево. Оно —
сияло и звалось рябина,
как в сентябре и быть должно.

V

Сентябрь — чужак и выживать мастак.
Быть может, он не разминется с нами,
пока не будет так, не будет так,
что мы его покинем сами.

И станет он покинутый тобой,
и осень обнажит свои прорехи,
и мальчики и девочки гурьбой
появятся, чтоб собирать орехи.

Вот щелкают и потрошат кусты,
репейники приклеивают к платью
и говорят: — А что же плачешь ты? —
Что плачу я? Что плачу?

Наладится такая тишина,
как под водой, как под морской водою.
И надо жить. У жизни есть одна
привычка — жить, чтоб ни было с тобою.

Изображать счастливую чету,
и отдышаться в этой жизни мирной,
и преступить заветную черту
блаженной тупости. Но ты, мой милый,

ты на себя не принимай труда
печалиться. Среди зимы и лета,
в другие месяцы — нам никогда
не испытать оранжевого цвета.

Отпразднуем последнюю беду.
Рябиновые доломаем ветки.
Клянусь тебе двенадцать раз в году:
я, в сентябре. И буду там вовеки.

ДЕКАБРЬ

Мы соблюдаем правила зимы.
Играем мы, не уступая смеху,
и, придавая очертанья снегу,
приподнимаем белый снег с земли.

И, будто бы предчувствуя беду,
прохожие толпятся у забора,
снедает их тяжелая забота:
а что с тобой имеем мы в виду.

Мы бабу лепим, только и всего.
О, это торжество и удивленье,
когда и высота, и удлиненье
зависят от движенья твоего.

Ты говоришь: — Смотри, как я леплю. —
Действительно, как хорошо ты лепишь
и форму от бесформенности лечишь.
Я говорю: — Смотри, как я люблю.

Снег уточняет все свои черты
и слушается нашего приказа.
И вдруг я замечаю, как прекрасно
лицо, что к снегу обращаешь ты.

Проходим мы по белому двору,
мимо прохожих, с выраженьем дерзким.
С лицом таким же пристальным и детским,
любимый мой, всегда играй в игру.

Поддайся его долговому труду,
о моего любимого работа!
Даруй ему удачливость ребенка,
рисующего домик и трубу.

Мы расстанемся — и одновременно
овладевает миром перемена,
и страсть к измене так в нем велика,
что берегами брезгает река,
охладевают к небу облака,
кивает правой левая рука
и ей надменно говорит: — Пока!

Апрель уже не предвещает мая,
да, мая не видать вам никогда,
и распадается иван-да-марья.
О, желтого и синего вражда!

Свои растенья вытравляет лето,
долготы отстранились от широт,
и белого не существует цвета —
остались семь его цветных сирот.

Природа подвергается разрухе,
отливы превращаются в прибой,
и молкнут звуки — по вине разлуки
меня с тобой.

* * *

К. А. и Я. С. Рыкачевым

Опять в природе перемена,
окраска зелени груба,
и высится высокомерно
фигура белого гриба.

И этот сад собой являет
все небеса и все леса,
и выбор мой благословляет
лишь три любимые лица.

При свете лампы умирает
слепое тело мотылька,
и пальцы золотом марает,
и этим брезгает рука.

Ах, господи, как в это лето
покой в душе моей велик.
Так радуге избыток цвета
желать иного не велит.

Так завершенная окружность
сама в себе заключена
и лишнего штриха ненужность
ей завидна и смешна.

МОТОРОЛЛЕР

Завиден мне полет твоих колес,
о мотороллер розового цвета!
Слежу за ним, не унимая слез,
что льют без повода в начале лета.

И девочке, припавшей к седоку
с ликующей и гибельной улыбкой,
кажусь я приникающей к листку,
согбенной и медлительной улиткой.

Прощай! Твой путь лежит поверх меня
и меркнет там, в зеленых отдаленьях.
Две радуги, два неба, два огня,
бесстыдница, горят в твоих коленях.

И тело твое светится сквозь плащ,
как стебель тонкий сквозь стекло и воду.
Вдруг из меня какой-то странный плач
выпархивает, пискнув, на свободу.

Так слабенький твой голосок поет,
и песенки мотив так прост и вечен.
Но, видишь ли, веселый твой полет
недвижностью моей уравновешен.

Затем твои качели высоки
и не опасно головокруженье,
что по другую сторону доски
я делаю обратное движенье.

Пока ко мне нисходит тишина,
твой шум летит в лужайках отдаленных.
Пока моя походка тяжела,
подъемлешь ты два крылышка зеленых.

Так проносишь — я все еще стою.
Так лепечи — я все еще немею.
И легкость поднебесную твою
я искупаю тяжестью своею.

СОДЕРЖАНИЕ

Светофоры	3
«Ты говоришь...»	5
Молоко	7
Из целинной тетради	9
Из сибирской тетради	
Древние рисунки в Хакассии	13
Новая домна на КМК	14
Кемерово	16
Гора Бурлук на строительстве дороги	
Абакан — Тайшет	18
Грузинских женщин имена	20
Абхазские похороны	22
Барс	24
Цветы	26
Конь	28
День поэзии	30
Чужое ремесло	32
Новая тетрадь	34
«И снова, как огни мартенов...»	35
Старинный портрет	38
Мазурка Шопена	41
Хемингуэй	43
Вулканы	45
Садовник	47
Лунатики	50
«О, слово точное — подонки!..»	51

«Человек в чисто поле выходит...»	53
Зимний день	55
«Влечет меня старинный слог...»	57
Снегурочка	59
«Живут на улице Песчаной...»	61
Невеста	63
Королева	65
Бог	67
«Вот звук дождя...»	70
«Я думала, что ты мой враг...»	72
«Жилось мне весело и шибко...»	74
«Смеясь, ликуя и бунтуя...»	76
«Глубоким голосом пророка...»	78
Жалейка	80
Лодка	82
Твой дом	84
Август	87
Апрель	89
Нежность	90
Несмеяна	93
«В тот месяц май...»	95
«Не уделяй мне много времени...»	97
«О, еще с тобой случится...»	98
Автомат с газированной водой	100
«Нас одурачил нынешний сентябрь...»	102
Сентябрь	104
Декабрь	111
«Мы расстаемся — и одновременно...»	113
«Опять в природе перемена...»	114
Мотороллер	116

**АХМАДУЛИНА БЕЛЛА
АХАТОВНА**

Струна

М., «Советский писатель», 1962, 120 стр.

Редактор *П. Г. Антокольский*

Художник *М. П. Клячко*

Худож. редактор *Д. С. Мухин*

Техн. редактор *И. М. Минская*

Корректор *Э. В. Пронина*

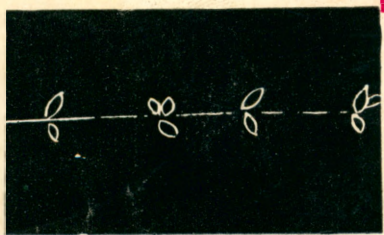
*

Сдано в набор 1/XII 1961 г. Подписано
к печати 2/III 1962 г. А04119. Бумага
70×108¹/₃₂. Печ. л. 3³/₄ (5,14). Уч.-изд.
л. 2,72. Тираж 20 000 экз. Заказ № 1607.
Цена 14 коп.

*

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10.
Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

14 NOV.

©